

Кубанский писатель

№ 9 (52)

сентябрь
2011 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Владимиру Афанасьевичу Архипову в канун Дня города присуждена премия имени А. Д. Знаменского, учрежденная администрацией города Краснодара и Краснодарским региональным отделением Союза писателей России. Дипломом отмечена книга стихов краснодарского поэта «Поговорим о любви».

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Соратнику, коллеге и доброму другу кубанских писателей, литературно-творческой газете «Рассвет» – 20 лет.

Как и планировалось изначально, основная задача газеты по сей день выполняется с честью – поддержать словом, а зачастую и делом сегодняшних ветеранов и инвалидов. Помимо официальной информации, которая, само собой, необходима, газета, согласно своему названию, продуцирует в душах читателей некий светлый позитив, являющийся поддержкой и опорой. Во многом это достигается за счет публикаций литературно-художественных произведений, авторами которых, несмотря на непростые времена, так богата сегодняшняя Кубань. Именно здесь во весь голос звучат произведения, базирующиеся на лучших традициях и принципах русской и советской классики, проповедующие гуманизм, любовь к ближнему, созидательному труду, нашей истории, истокам, природе. Здесь нет места «рашам», «ксюшам», «домам», китчу, мордобоем, культуре обогащения. Здесь не чурались и не чураются публиковаться маститые кубанские поэты и прозаики, имена которых звучат не только в краевом, но и российском масштабах, среди которых И. Варавва, К. Обойщиков, В. Бакалдин, Н. Зиновьев, Л. Пасенюк, В. Логинов, Л. Сирота, С. Макарова, Н. Василинина, С. Медведева, Г. Пошагаев, Л. Лимаров, Е. Лобанова, Л. Бирюк и МНОГИЕ другие. Здесь «становятся на крыло», обретая известность, и просто озвучиваются достойные авторы, в силу обстоятельств не имеющие возможности печататься в других художественных и литературно-публицистических изданиях.

В связи со славным юбилеем хочется пожелать всеми уважаемому главному редактору газеты «Рассвет» Николаю Замковому, его верной соратнице и «правой руке» Наталье Козыревой, всему славному коллективу газеты новых литературных взлетов и успехов.

Игорь ЯСИНСКИЙ

Нам надо знать свою Россию...

Беседа главного редактора журнала «Наш современник» С. Ю. Куняева и председателя Союза писателей России Валерия Ганичева

Куняев С. Ю.: Валерий Николаевич, вот я недавно был на пленуме Союза писателей России в Смоленске с интересной темой «Рубежи истории – рубежи литературы», посвященной 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны.

Помимо того, хотя это и главное, что на пленуме шел содержательный, серьезный разговор о литературе Отечественной войны, о ее уроках и образцах, о тех, кто продолжает дело писателей старшего поколения, об истинности, правде, глубине изображения событий того времени, о борьбе с широко распространенными фальсификациями нашей истории, меня поразила и ободрила атмосфера писательского сообщества, внимательность к слову друг друга, стремление узнать о творчестве коллег, безотказность в выступлениях перед массовыми и немассовыми аудиториями в разных населенных пунктах области, звучащие постоянно песни и стихи, поклонение могилам

воинов и местам, где жил, творил Александр Трифонович Твардовский.

А разве забудется, как от имени писателей-фронтовиков легендарный девяностотрехлетний балтийский моряк Михаил Годенко за мужество и героизм в отстаивании отечественной истории и литературы торжественно вручил памятное знамя Победы Союзу писателей России, и ты коленапреклонно принял его, и два капитана первого ранга, наши писатели Борис Орлов и Юрий Пахомов-Носов встали с ним рядом.

Чувствуется, что Союз писателей работает, все мы отчитываемся друг перед другом на пленумах, секретариате, в газете «Российский писатель». Делаем немало, но я прекрасно осознаю, что многое и не удаётся, и на наши недостатки мы не закрываем глаза.

Но вот когда изо дня в день, из номера в номер в некоторых газетах раздаётся призыв покончить с Союзом писателей, снять его руководство, не ка-

жется ли, что тут выполняется серьезный русофобский, идеологический заказ, и отнюдь не творческого содержания.

Как вы, секретариат к этому относитесь, что предполагаете делать в связи с этим?

Ганичев В. Н.: В связи с этим ничего не предполагается. Караван, как известно, должен идти к намеченной цели, даже если слева и справа лают дворцовые собаки. Ему было бы глупо останавливаться и выяснять отношения со всякой шавкой. Ну, а что касается целей и движения каравана Союза писателей России, то они на протяжении последних пятнадцати лет определялись решениями X, XI, XII, XIII съездов. Мы, конечно, не жесткая и не железобетонная организация, мы творческий союз, члены которого люди самодостаточные и самостоятельные в своем творчестве, но они имеют несколько ориентиров, которые нас объединяют.

Ну, во-первых, на всех съездах мы подтвердили, что следуем по направлению русской классической литературы, лучших произ-

ведений национальных авторов. Поле этой литературы широкое и, в первую очередь, ее народность, служение нашему народу. Уважение лучших традиций и истории нашего Отечества.

Простой, или как говорили нередко «маленький» человек – это наш соотечественник, сотворивший великие дела, побеждая, терпя поражения и издевательства и не теряя никогда надежды на лучшее будущее своей семьи. Он сохраняет нашу страну, он не уходит из нее, он не вкладывает свой капитал в заграничные банки, во-первых, потому что у него его нет, а во-вторых, он знает, что его вклад должен быть здесь, на земле его отцов и дедов.

Мы должны опираться на дух нашего народа, не должны подрывать его, сеять уныние, панику, пораженчество. Мы должны укреплять и ободрять наших людей, порождать упорство в служении отечеству и обществу.

И в этом смысле нам удалось на протяжении последних лет укрепить свои духовные опоры.

(Продолжение на стр. 2)

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

14 сентября 2011 года на девяносто втором году жизни скончался выдающийся поэт Кронид Александрович Обойщиков – почетный гражданин Краснодара, заслуженный деятель искусств Кубани, почетный член Краснодарской краевой ассоциации героев Советского Союза, лауреат литературных премий Н. А. Островского, Е. Ф. Степановой и А. Д. Знаменского.

Сердце отказывается верить в случившееся... Где бы ни появлялся этот улыбчивый, лучезарный человек, он всегда приносил радость людям, согревая их сердца. Старшие собраты по перу называли его ласково «Кроня». Обаяние летчика-фронтовика, участника Великой Отечественной войны прочитывалось в его стихах, каждая строчка которых дышала настоящей, невыдуманной жизнью. Творчество Крониды Александровича сформировано героической эпохой, в которой он жил. Ему было тринадцать лет, когда страна с волнением следила за спасением челюскинцев, ему минуло семнадцать, когда Валерий Чкалов совершил беспосадочный перелет из Москвы до американского города Ванкувера, ему едва исполнился двадцать один год, когда началась Великая Отечественная война...

Кронид Обойщиков, выпускник Краснодарского военного авиационного училища, с первого дня войны принимал участие в

боевых действиях на Юго-Западном фронте. А с лета 1942-го в должности командира эскадрильи он перегонял самолеты с сибирских и закавказских аэродромов в действующие полки Северного и Балтийского флотов. Множество военных наград украсили грудь отважного летчика... В мирные годы Кронид Александрович служил штурманом истребительной авиации на Дальнем Востоке и писал стихи. Небо и поэзия – две путеводные звезды, к которым он стремился всю свою жизнь. В своих стихах он сумел рассказать о «времени и о себе» больше, чем увесистые тома учебников, рассказать понятно, доступно, без умозрительности и многословных рассуждений. Кронид Александрович Обойщиков – автор 35 поэтических сборников, автор либретто двух оперетт и многих песен.

Военный летчик и поэт, Обойщиков знал цену мирному небу. Ведь он со своими товарищами-однополчанами завоевывал его собственной кровью и с высоты птичьего полета видел красоту родной земли. Свои чувства он выражал то негромко, задушевно, то по-граждански пламенно и страстно. Главное, что при этом он всегда был искренен. С болью говорил поэт о том, что лицо милой Родины постепенно теряет свои черты. «А мне России не хватает. Её в России я ищущу», – признавался он. Ему не хватало тихой речушки, земляничных полей, пенья птиц, «поющих по-русски»... Самым высоким и святым храмом поэт до конца своих дней считал родную землю и всеми силами большой доброй души желал счастья своему народу.

Поэт выполнил свой гражданский долг перед павшими товарищами: он стал автором и составителем уникальной 4-томной антологии биографий наших земляков-кубанцев,

героев Советского Союза и 3-томного поэтического «Венка героям Кубани».

Кронид Александрович был великим тружеником. Кроме творческой работы, он до последних дней совершал бесконечные поездки по краю, встречался с читателями, учил молодежь тому, что считал самым главным: любить Родину.

Свою собственную жизнь, пусть трудную, опаленную войной, Кронид Александрович все-таки считал счастливой. Таким уж он был человеком – ничто не могло его сломить. Из его стихов читатель полными пригоршнями черпал неиссякаемый оптимизм, жажду жизни и любви, мягкий добрый юмор. Он написал множество юмористических произведений, мастерски делал переводы поэтов Северного Кавказа и других республик, создал замечательные поэтические произведения для детей: «Светофорик», «Зайка-пешеход», «Как слоненок учился летать» и другие.

Какой заразительный пример жизнерадостности подавал нам увлеченный сединами поэт-фронтовик! Уметь «глядеть на мир влюбленно», любить жизнь, не требуя от нее каких-то особенных благ, а ради нее самой, по-детски радуясь каждой прожитой минуте – вот основная мысль творчества Крониды Александровича:

**Душа на ветрах не остыла,
И пусть ко мне звезды глухи,
Я с новой прихлынувшей силой
Слагаю о жизни стихи...**

Таким и останется в нашей памяти выдающийся поэт Кронид Александрович Обойщиков – живым навсегда...

Писатели Краснодарского
регионального отделения
Союза писателей России

Нам надо знать свою Россию...

Беседа главного редактора журнала «Наш современник» С. Ю. Куняева
председателя Союза писателей России Валерия Ганичева

(Окончание. Начало на стр. 1)

Несмотря на то, что из нас пытаются их выбить всякими путями, достаточно вспомнить, что три года нас пытались лишить нашей материальной базы, нашего Дома. Не вышло. Наш старейшина, Николай Михайлович Сергованцев, который приходит на работу в приемную раньше всех (он принимает звонки, первых посетителей, почту, дает первые разъяснения начинающим поэтам, и т. д.), несколько раз повторил: «Это наше счастье и спасение, что Союз писателей России нашел поддержку в церкви, в ее многовековой деятельности, в той нравственной ее позиции, на основе которой и выстраивалась отечественная культура и литература». Думаю, что следствием этого явился прием в Союз писателей большого количества священников, хотя сан несколько не определяет степень таланта. Но вот Высокая Вера, ее исполнение в собственных поступках, были характерны для наших классиков, да и для абсолютного большинства писателей.

И еще одна характерная черта для нашего Союза – безусловный патриотизм, решительная борьба с фальсификацией отечественной истории, особенно усиливающаяся в связи с освещением истории Великой Отечественной войны. И об этом я скажу позднее.

Одна из наших главных задач – охрана, защита и укрепление русского языка. И принцип, который лег в основу деятельности нашего Союза, – работа в русской провинции, с местными организациями. Нет больше ни одной общероссийской творческой организации в стране, которая имеет, как наш Союз, отделения в каждом из 83 субъектов федерации. Да, кроме того, отделения Союза имеются во многих других странах.

Куняев С. Ю.: Вы вскользь сказали о том, что вам пришлось буквально сражаться за писательский Дом. Как возникла эта долговременная опасная ситуация, и как вам удалось из нее выбраться?

Ганичев В. Н.: Да, мы хоть и пытались не «стонать и не раздувать» дело, чтобы не угнетать и не пугать наших друзей, но положение было действительно опасным и даже катастрофическим. Каким-то мудреным образом наш Дом, который принадлежал Союзу писателей России с 1970 года по решению Совмина РСФСР (стараниями Сергея Владимировича Михалкова), вдруг в 90-е годы оказался в собственности Москомимущества и потом плавно переместился в Госкомимущество. И Министерство культуры вдруг предложило нам покинуть это здание и переселиться куда-нибудь. Это здание, которое было домом Михаила Шолохова, Сергея Михалкова, Юрия Бондарева, Василия Федорова, Александра Прокофьева, Валентина Распутина, Василия Белова, Леонида Соболева, домом семи тысяч писателей. Началась «третья блокада» нашего дома. Первая была в августе 1991 года, когда примчались либеральные боевики Музыкантского и потребовали «вытряхнуть» пленному Союзу писателей, как очагу красно-коричневых. И это о писателях-почвенниках, «деревенщиках», монархистах, православных мыслителях, которые вместе с красными патриотами, державниками служили делу отечественной литературы. Вы помните, как писатели забаррикадировались, выставили свои патрули и охрану и потребовали предоставить какие-нибудь документы на проведение вторжения и выселения. Они протянули какую-то бумажку, а по воспоминаниям именно Вы, Станислав Юрьевич, взяли и разорвали ее на кусочки. Это вызвало оторопь у наглецов и они, почувствовав решимость писателей, ретировались. Дом остался у писателей.

Второй раз, об этом мало кто знает, Союз писателей еще раз фактически был приговорен к исчезновению осенью 1997 года. При прежнем руководстве Союз отдал себя под покровительство банка «Изумрудный», находившегося на 3-м этаже. Банк обанкротился, а его долги каким-то необъяснимым образом были предъявлены Союзу писателей. Долги для нас были баснословными – два миллиарда рублей. Фактически это был наш конец и крах. Можно только какими-то мистическими причинами, человеческой дружбой и памятью, а, в общем, Божиим промыслом объяснить наше спасение. Двадцать пять лет я дружил с замечательным человеком, великим патриотом и тружеником Отечества, моим комсомольским собратом Виктором Поляничко.

Он был комсоргом на комсомольской стройке Орского нефтегазового комбината в Оренбуржье, секретарем Челябинского обкома комсомола, работал в ЦК комсомола и партии, послан советником в Афганистан, был личным другом Наджибуллы, работал в Азербайджане. По завершении советской части «перестройки» оказался, как «красный специалист», не нужен новой власти, хотя был полон сил и энергии.

В это время премьером стал В. Черномырдин. Он искал людей, которые могли бы исполнять державную работу, а не только провозглашать приверженность либеральным ценностям. Он вспомнил о комсорге Орского комбината, где когда-то Черномырдин был директором. Тогда он и пригласил на ответственную должность представителя Правительства в зоне конфликтов на Северном Кавказе в ранге министра Виктора Поляничко. «Московский комсомолец» в резкой форме высказался против этого назначения: опять «коммуняки возвращаются во власть». Честно говоря, и я

предостерегал его: «Виктор, зачем опять лезешь под пули? Ведь ты уже был в Афганистане, находился в зоне боевых действий в Азербайджане, уйдя в науку или экономику». Он с грустью ответил мне: «Я хочу быть полезен Родине, там же гибнут наши люди». Он со страстью взялся за дело, встретился со старейшинами Осетии и Ингушетии, стал изучать языки этих народов. Но был убит в горном ущелье. На поминках я оказался рядом с Черномырдиным, мы помянули моего друга и его товарища. Он спросил: чем помочь? Я сказал – ничем. А через два года в этой нашей катастрофе я решился выйти на него. Помню этот драматический телефонный разговор. «Ну, что там?» Я объяснил. Еще вопрос: «Сколько?» Я сдвинутым голосом негромко сказал: «Два миллиарда». Небольшая пауза, и новый вопрос: «Чего?» Я не сразу понял, потом выдавил: «Рублей». А дальше, после раздумья: «Перечислим через Минфин... В память светлую». – «Спасибо». Конечно, ничего этого я забыть не могу и ставлю свечки в память таких разных людей, которые спасли Дом Союза.

Ну и вспоминаю эту третью драму, когда нас передали в

письма президенту и премьер-министру, телеграммы шли из местных писательских организаций, Интернет кипел от возмущения. Валентин Распутин при личной встрече передал письмо о Доме В. В. Путину. Я обратился к руководителям политических партий. Г. А. Зюганов говорил о разбое при личных встречах с президентом РФ и премьер-министром. Он же посылал телеграммы после того, как В. Путин написал резолюцию «Помогите писателям. Доложите» (а никто не помогал и не докладывал). Но все-таки в июне 2010 года В. В. Путин подписал решение правительства: «Передать в безвозмездное пользование помещения на Комсомольском проспекте, 13, объемом 1400 м²». Это была серьезная победа Союза писателей, победа авторитета нашего Союза, проявление наших творческих и организационных связей. И мы благодарны всем общественным и государственным организациям и их руководителям. Но, без сомнения, особую роль в этом решении оказали первосвятители нашей церкви, ее патриархи. Я беседовал с ними и высказывал беспокойство в связи с попытками отобрать Дом, в котором находились и помещения Всемирного Русского Народного

Госкомимущество. Министр культуры А. Авдеев, как мне показалось, дружелюбно сказал: «Вы не имеете право на этот дом, придется переселяться». Я объяснил, что его вводят в заблуждение, этот дом 40 лет занимает Союз по решению Совмина РСФСР и надо помочь его оформить. Хотя бы в том качестве, в котором он находился последнее время. Мы занимали его, а часть помещений сдавали в аренду и на полученные деньги платили коммунальные платежи, вели ремонт и оказывали скорее материальную помощь, чем платили зарплату работникам. Кроме того, солидную сумму мы перечисляли в Минкульт, его структуру по охране памятников. Министр, особенно после того, когда ему сказали, что «ты можешь войти в историю, как «уничтожитель» Союза русских писателей», свой напор снизил, сказав, что «мы с Ганичевым дружим», хотя никаких обещанных преференций он не выдал. Но кто-то, кому приглянулся «Шефский дом» (это был с XVIII века дом генерал-аншефа Хамовнического военного гарнизона), продолжал давить. К нам засылали какие-то комиссии, телевизионные группы, сеяли сомнения в законности нашего многолетнего пребывания в Доме. Называли тех «жирных котов», которым приглянулся Дом. Кризис финансовый чуть умерил их пыл, но материалы против нас печатались в «Коммерсанте», «Литературной газете»... Была организована целая кампания по захвату Дома.

Особенно меня поразили выкрики на конференции МЛФ главного редактора «Литературной газеты», который истошно кричал в коридоре: «Мы вас все равно выселим из дома». Кто дал ему такое задание? От чьего имени он это выкрикивал, или выпил крепко, что было бы полбеде. Независтно. Мы встали с ним несколько раз после этого, я пытался несколько раз успокоить страсти вокруг МЛФ, ибо они привели к потокам грязи, которые выливались друг на друга, что очень существенно понизило авторитет писательского сообщества.

В те дни попыток захвата дома, мы, не имея денег (ибо в связи с новыми правилами субаренду нам отменили и даже пытались взыскать ее за предшествующие годы с нас), сражались неистово, может, не показывая особенно эти сражения. Мы выигрели три суда. Я рассказал суду все подробности, показав всю разбойничью суть попыток отобрать Дом у писателей России. По этому вопросу я был в Арбитражном суде Москвы, в Счетной палате у С. Степашина, у генерального прокурора и его зама, у спикера Госдумы С. Грызлова, у спикера Совета Федерации С. Миронова, у руководителей комитетов Федерального собрания.

Сто пятьдесят писателей и деятелей культуры написали

Собора, ибо мы (Союз писателей) были соучредителями вместе с РПЦ Собора.

За день до своей кончины подписал письмо к властям с пожеланиями оставить Дом писателям России Патриарх Алексей II, после избрания сделал это и Святейший Патриарх Кирилл, с которым мы более пятнадцати лет сотрудничали в Соборе, в качестве сопредседателей. Я говорил своим коллегам в самые тяжелые дни: «Друзья мои, нам нечего сокрушаться и горевать, мы имеем поддержку двух самых высоких духовных властителей России. Опираясь на их молитву, на их окормление, мы можем продолжать свою работу в любых условиях, в подвалах, в катакомбах, исторические примеры у нас есть».

И, казалось бы, одержана победа, но в определенном смысле она была «пиррова». У нас не оказалось ни рубля на содержание дома, на электричество, воду, тепло. Кто-то мог жертвовать, кто-то мог покинуть корабль. Возможно, на это и рассчитывали наши враги. Но мы не казались себе проигравшими, не стонали о нашем поражении, не дали повода нашим врагам злорадствовать и радоваться. Мы обратились к нашим читателям, коллегам, простым людям и предпринимателям: «Помогите, спасите Союз писателей и его Дом!» Поистине это была всенародная помощь! Это был «народный рубль». Как мы благодарны нашим людям, соотечественникам, зарубежным друзьям, людям доброго сердца и широкой души. Ящик с надписью «Дом писателей России! Спасибо за Вашу помощь!», который стоял на входе, периодически заполнялся десятками, а иногда сотнями рублей. Свой взнос присылали читатели, пенсионеры, военные. Иногда приходили предприниматели и, чаще всего, не называя своего имени, приносили деньги: «Заплатите за свет!», «Заплатите за расчистку двора», «На ваши нужды». Трогательно было, когда писатели получали мизерные премии и гонорары и часть из них отдавали нам. Иногда проходили вечера и писатели шапку по кругу. Ну а разве забудется один наш жертвователь, который из тюрьмы регулярно присылал тысячу рублей.

Мы выстояли, выжили вниманием тысяч людей, благодарных предпринимателей, наибольшей помощью Межнародного литфонда, части стипендий Министерства культуры. А разве не благодарны мы нашим работникам, которые работают только на свои пенсии уже более одного года. У нас появился благотворитель, который окажет помощь на выплату всех наших коммунальных и организационных расходов. Так и вспоминаются известные слова Ивана Сергеевича Тургенева: «Мы еще повоюем,

ПРОЗА ДОНА

Пустая квартира

Эта квартира давно не давала Вене Фатько покоя. Примыкала она одной стеной к его жилью на шестом этаже. Последние два-три года в ней никто не жил.

Идешь вечером домой, во всем доме окна горят, а в этой квартире темно.

Хотя хозяйка у неё, будто бы, существовали. Бывало, даже слышался через стену какой-то стук или бурление воды из бачка в туалете...

Странная всё-таки эта квартира. Не-добро говорили о ней соседи. Раньше здесь притон был, и всякие непристойные делишки в ней проворачивались.

— Надо же, — думал Веня. — Такая квартира, трёхкомнатная, хорошая планировка и — пустует! Вложил кто-то деньги в недвижимость, а по сути, она ему и не нужна.

У Вени квартира тоже трёхкомнатная, но больно у него народу много на эти квадратные метры: жена, теща, трое детей. Да ещё старшая дочка замуж собирается.

Ходит Веня, присматривается, прислушивается. Нет, никто не появляется.

А двери входные добротные, современные. А окна, со двора видно, пластиковые, новые. Хороший ремонт после непутёвых хозяев, видать, сделали. Купить бы, да расширяться, объединить в одну шикарную квартиру...

Ну, это так, мечты. Денег-то всё равно нет.

Балконы у квартир вплотную посажены. Вышел Веня на балкон, покурить перед сном. Темным-темно в соседских окнах.

«А балкон бы общий какой получился! — вздыхает Веня. — Ну почему так: одним всё — другим ничего?!»

Из-за этой квартирной недостаточности у него, можно сказать, личная жизнь бедствие терпит. Теснота никому настроения не прибавляет, то и дело стычки между разными поколениями происходят.

— А вот ещё Глафира замуж пойдёт! Хорошо, как со свекровью уживутся, а то с зяtkом — сюда... Дети начнут... Куда я их? Уж сколько можно углы городить?

Голова пухнет у Вени от проблем. Спать не даёт пустая квартира.

Рядом жена Эмма во сне вздыхает. Натопталась за день, упала без сил, а заботы,

и ночью не отпускают. Тёща за своей занавесочкой похрапывает. Фатько всегда удивлялся: такая тщедушная, а храпит, как прапорщик с бодуна.

И тут цокнула у него в мозгу крамольная мысль: вот бы сделать тайный ход к соседям через кладовку. Аккуратно сделать, замаскировать, чтоб ни одна ноздря не пронюхала. Снаружи — вроде, как прежде, никто не живёт, а внутри — нормальные человеческие условия. Всем — законное место: и бабушке Францовне, и дочке с зятем, и сыну Котье — парубку уже, и младшей любимице шестилетней Ольське — отдельные комнаты, ну и им с женой, соответственно.

Встал Веня как можно тише и прошёл в кладовку. Освободил заднюю стенку и легонько постучал по штукатурке. Кое-как нашлёпанная двадцать лет назад, держалась она слабо. Веня взял инструмент и в два счёта оббил верхний слой стены. Потом вытащил несколько кирпичей и заглянул в соседскую кладовку. Там были голые стены. Значит и правда в квартире никто не живёт, иначе, где же всякий «нужный хлам» хранить? Этот факт добавил Вене азарта, он подналёг, и скоро лаз был готов.

Нашёл он фонарик и решил сделать первую вылазку на запретную территорию.

Домашние все спали праведным сном. В общей теперь кладовке свет можно включить безбоязненно: окон в комнатке нет.

Веня крадучись прошёл через проём в стене и включил фонарик.

Вдруг ему показалось, будто в пустой квартире что-то грюкнуло и скрипнула половица.

Какой-то животный страх пробежался у Вени по спине, непроизвольно дёрнулась рука, и прежде чем погас огонёк фонарика, по двери и потолку чиркнула дуга света от него.

Стало темно, как в преисподней.

Веня слышал бешеные толчки своего сердца. Можно вернуться, но стоило тогда затевать?..

Он перевёл дыхание. Провальная тишина и темень.

Перекрестившись, Веня бесшумно, как вор-домашник, открыл дверь и вошёл в

прихожую чужой квартиры. Из кухонного окна сюда простирался лунный свет. Пусто, гулко, пахло краской и необжитостью.

Осмелев, «нарушитель границы» осветил фонариком.

На полу лоснился паркет, стены поблёскивали шелковистыми обоями.

На цыпочках Веня переместился в большую комнату. От роскоши обстановки, что предстала перед ним, у простого работяги Вени Фатько открылся рот. Такой шикарной мебели, таких картин, таких портьер ему не заработать за три жизни! Почувствовав слабость в ногах, он присел на корточки, боясь даже коснуться великолепного в своей обтекаемости кресла.

Вдруг из спальни донёсся странный звук, будто придушенный смехок, и потом по смежной с залом стене прошёл дробный лёгкий стук, вроде пробежала наискосок кошечка, стуча коготками. Веня вскопчил, его пронял холодный пот.

— Что-то здесь неладно, — обожгла тревожная мысль и, хотя Фатько не относил себя к слабакам, почувствовал неприятную внутреннюю дрожь и желание сейчас же включить раскорячистую, как огромный краб, люстру. Прошла секунда, другая. Ничего больше не нарушало тишины, но порыв сбегать восвося усиливался. Он вспомнил нехстати, что в этой квартире, когда тут обретался сущий вертеп с пьянками и наркотой, ходили слухи, совершались криминальные аборт.

«Может теперь души безвинно загубленных младенцев облюбовали это жилище?» — в смятении подумал он, но не успел сделать и шагу, как мимо него повеяло сквознячком, вроде кто-то прошмыгнул рядом...

Веня вскинул руку, лихорадочно нащупал выключатель, нажал... но свет не загорелся, зато отдаваясь в сторону кухни, опять зашелестел смех.

Уже не владея собой, Веня метнулся к тайному ходу, но вдруг щёлкнул замок входной двери, она распахнулась, и яркий свет подобно софитам ослепил его. Он успел увидеть толпу людей, среди них человека в форме милиционера, а дальше корреспондента с видеокамерой.

«Засада!» — мелькнуло в голове. Всё

зашумело, ввалилось в прихожую, и Веня, ощущая себя козлом в чужом огороде, не дал бы за свою жизнь и пустой бутылки.

— Вот, полюбуйте! — визгливым голосом крикнула какая-то расфуфыренная дамочка, наверное, хозяйка квартиры, вскидывая руки с перстнями на каждом пальце. — Он посягнул на неприкосновенность моей собственности!

Все вытянули шеи и посмотрели в указанном направлении, где зиял незащитный секретный ход. Передние подались вперёд, задние напирали, и Веня понял, что сейчас вся эта орава с рёвом устремится в его святая святых, где спят безмятежно жена Эмма и ничего не подозревающие дети.

— Нет! — заорал он во всю мощь своих лёгких и ринулся наперерез, закрывая собой тайный проход, как амбразуру...

— Веня, Веня! Очнись! Что с тобой?!

Он озирался и ничего не мог сообразить. Его тормозила перепуганная жена. Из-за своей загородки в ночной додольной рубашке пришлёпала теща с сумасшедшими глазами.

— Что? Что? Нас грабят?! — заверещала она.

Веня ошалело сел на кровати, медленно, но с облегчением осознавая, что ему привиделся кошмарный сон.

— Луиза Францевна! Скройтесь с глаз! — в сердцах сорвался Веня на тещу, которая тут же юркнула ящерницей за ширму, и отмахнулся от жены:

— Всё! Спи! Я в порядке...

— Ты так кричал... — пролепетала, оправдываясь, Эмма.

В дверь просунулись на разных уровнях, лохматые заспанные головы Глашки, Котьи и Олеси.

— Всем спать! — рявкнул на них Веня, и головы исчезли.

Он встал, ещё не вполне придя в себя, шатаясь, в трусах, прошёл в кладовую и, только ошупав злополучную стенку, успокоился окончательно. Никакого тайного хода не было.

Веня взял сигарету, но почему-то не вышел на балкон, а сел курить на кухне.

Людмила Хлыстова,
член Союза писателей России,
Таганрог

СОЮЗ КИСТИ И ПЕРА

ЮБИЛЕЙ МАСТЕРА

Ольга Александровна Салькова родилась 5 августа 1936 года в Красноярске. В 1961-м окончила Краснодарское художественное училище, в 1968-м — художественно-графический факультет КубГУ. С 1961 по 1983 годы работала преподавателем в Краснодарском художественном училище. Потом преподавала на художественно-графическом факультете Кубанского государственного университета и параллельно, до 1992 года, работала в Творческом художественно-производственном

комбинате. С начала 70-х годов принимала участие в многочисленных городских, краевых, региональных, общероссийских и международных выставках. Работы художницы хранятся в Краснодарском краевом выставочном зале изобразительных искусств, частных собраниях России, США и европейских стран.

чувства, восхищение красотой Природы. Излюбленные ее «натурщики» — ирисы, калина, пионы. Более редкие жанровые

работы («Репетиция», «Утро», «Амазонки», «Отдых под яблоней») решают проблемы единства человека и Природы.

Салькова работает в традициях русского реалистического искусства, ориентируясь на конец XIX — начало XX веков. Равновесие между свободной манерой письма, использованием открытого цвета и других живописных новаций и стремлением к академичности, композиционной ясности свидетельствует о гармоничном личностном начале. Эволюция художницы идет в сторону расширения палитры и усиления эмоциональности. Видимо, именно поэтому она обращается в 2008 году к акварельной технике, позволяющей более непосредственно раскрывать внутренний мир души.

Как преподаватель Салькова внесла свой вклад в формирование и развитие школы современного искусства Кубани. Среди ее учеников — народный художник РФ Виталий Коробейников, заслуженные художники Алексей Паршков, Андрей Зайцев, Сергей Дудко, заслуженный деятель искусств Кубани Василий Медведовский, Ирина Седова, Нина Скворцова, Наталья Бабаш, сочинские художники Юрий Прокатов и Константин Трапицын. Все они являются представителями новой, современной формации художников, сочетающих мастерство и традиции с экспериментами.

Художественное наследие Ольги Сальковой, ее преподавательская работа — достойный итог пятидесятилетнего юбилея ее творческой деятельности.

Татьяна СОКОЛИНСКАЯ

Ольга Салькова несет в себе два редко сочетающихся между собой дара: дар художника и преподавателя, воспитавшего целую плеяду блестящих мастеров кисти.

Как художник Салькова заслужила известность прежде всего в качестве портретиста, создавшего целый ряд парадных и камерных портретов художников, музыкантов, искусствоведов, общественных деятелей, представителей науки. Среди них: народный артист РФ Леонард Гатов («Отец премьеры», 2001), заслуженный врач РФ Владимир Оноприев («Хирург века», 2001), художники: Григорий Булгаков, Надежда Калугина, Алексей Паршков, искусствоведы: Григорий Гиберт, Александра Костицина.

В своем творчестве Салькова сохраняет романтическое мироощущение. Ее привлекают образы людей возвышенных, неординарных. Она создает свой тип портрета, в котором сочетаются черты парадности и камерности. Социальные черты личности сочетаются в них с психологическим составляющим. Портретная репрезентация служит выявлению в человеке значимых качеств: интеллекта, достоинства, самоотверженности, раскрытию его духовного мира.

Другие любимые жанры краснодарской художницы — пейзаж («Белое безмолвие», «Память», «Февральские окна», «Грибная пора», «Озеро в горах») и цветочный натюрморт, в которых она передает свои

ЮБИЛЕЙ

Говорить об этом человеке!

Писателю, публицисту Гарию Немченко – 75 лет

Говорить об этом человеке, не переходя на высокий стиль, невозможно, ибо все в нем возвышенно, высокодуховно, с большой буквы и настраивает на высокую планку.

Гарий Леонтьевич Немченко – известный русский писатель, крупный прозаик, в чьем творчестве талантливо отразились характер и душа истинно русского человека, продолжатель лучших традиций русской классической литературы, неутомимый общественный деятель, сподвижник северокавказских литератур и, наконец, замечательный человек, удивительно чистый, искренний, глубоко порядочный и благородный. Я не знаю никого, кто, пообщавшись с ним, не проникся бы к нему глубоким уважением, не попал под влияние его личностного обаяния. Где бы он ни появился: на литературных вечерах, встречах, презентациях книг, – его всегда окружают люди, на свет его души устремившиеся, мудростью, открытостью, доброжелательностью этой личности притянувшись.

За плечами Гария Леонтьевича большая содержательная жизнь, полная многообразных событий, многочисленных встреч с самыми различными людьми. Его творчество стало отражением основных событий жизни страны второй половины XX века, в нем дышит и животрепещет бурная и сложная эпоха советского, постсоветского, перестроечного периодов, наполненных глубокими рефлексиями и нравственными исканиями обычного человека.

Родился Г. Л. Немченко в станице Отрадной Краснодарского края. После окончания факультета журналистики МГУ отправился в Сибирь, где работал в многотиражной газете на ударной комсомольской стройке на Западно-Сибирском металлургическом заводе под Новокузнецком. Свои впечатления и ощущения от этих бурных, полных романтики и драматизма событий на грандиозной стройке автор отобразил в крупных эпических полотнах, посвященных Сибири. Это романы «Тихая музыка Победы», «Здравствуй, Галочкин», «Пашка», «Моя милиция». За сборник повестей «Скрытая работа» писатель был удостоен ряда престижных премий. Проблемы, поднятые в произведениях Г. Л. Немченко, были настолько актуальны и созвучны современной действительности, что по ним было снято несколько кинофильмов («Красный петух Плимутрок», «Брат, найди брата» и др.).

Далее последовали незабываемые годы жизни в Майкопе, Краснодаре, Москве, наполненные напряженной и многогранной творческой работой. Будучи заведующим редакцией прозы в издательстве «Советский писатель» в Москве, Г. Л. Немченко проводит огромную организационную деятельность, сочетаемую с творческой работой. В этот же период он знакомится с Аскером Евтыхом – «старшим другом Большим Черкесом», с которым впоследствии его надолго связала крепкая дружба. Уже

тогда в нем пробуждается неподдельный интерес к культуре и литературе адыгов-черкесов, укреплявшийся в общении с адыгами – М. Ахиджаковым, И. Тхагушевым, Т. Адыговым, К. Шаizzo, М. Кунижевым и др. – в Москве.

Говоря о личностных качествах этого замечательного человека, писатель Н. Куек вполне справедливо связывал их с «загадочностью русской души» и обосновывал свои размышления следующим образом: «Вся загвоздка в том, что Гарий Леонтьевич Немченко слишком русский. Он русский среди русских, он русский среди черкесов-адыгов, среди осетин, дагестанцев, грузин, армян и т. д... Это все то же неистребимое желание оставаться русским, это даже не желание, а естественное, если хотите, богодуховное состояние, корни которого не подвластны ни текущим временам, ни самой вечности. Приходят властители, свои и чужие, давят – славятся, хапают – и славятся, рубят под самый корень – и славятся... Казалось бы, ну все сделали, чтобы духом русским вообще не пахло, а они – эти Немченко, Распутины, Беловы, Астафьевы – опять вырастают и возрастают... Гарий Леонтьевичи неуничтожимы. Они живут в любом времени. Они здравствуют и в безвременье. Они не то чтобы не хотят – они не могут измениться».

Эти слова (приведен лишь отрывок из выступления) были написаны Н. Куеком к 70-летию Г. Л. Немченко. Двух выдающихся писателей – русского и адыгейского – связывала не только крепкая мужская дружба, но какая-то очень глубокая и одновременно тонкая, незримая связь, символизирующая духовное единение, истинное, глубокое взаимопонимание. Г. Л. Немченко остается «слишком русским» во всем: в мыслях, словах, поступках. Недаром в его потрясающем, глубоко эмоциональном рассказе «Русский мальчик», где выводится образ и характер истинно русского человека, большинство читателей и критиков усмотрели аналогию с самим автором.

Г. Л. Немченко с глубоким уважением относится к культуре, истории и ментальности других народов. Изначальная установка его нравственной позиции выражена в следующих словах: «...принимая братский народ таким, каков он есть, я безоговорочно ставлю на лучшее в нем и на это лучшее сам стараюсь равняться...»

Он глубоко изучает не только генетические корни казачества, но и с завидным упорством постигает горский этикет, студуируя для этого теоретические материалы по фольклору и этнографии адыгов, и надо признать, далеко не каждый адыг может похвастать таким знанием «адыгэ хабзэ» и проникновением в логос этноса, как Г. Л. Немченко. И, что еще удивительнее, он ухитряется соблюдать адыгский этикет будучи даже в Москве. Находясь в сентябре 2010 года в столице на международном книжном ярмарке, где проходила презентация сборника повестей северокавказских писателей и состоялся творческий вечер Н. Куека, все мы, члены делегации из Адыгеи, с приятным удивлением наблюдали за тем, как Г. Л. Немченко неукоснительно соблюдал «адыгэ хабзэ» в московской среде.

Прочные творческие связи объединили Г. Немченко со многими писателями из Адыгеи, Нальчика, всего Северного Кавказа. Кавказская тематика, черкесские мотивы ярко, талантливо и многогранно отобразились во многих произведениях Г. Л. Немченко. В четырехтомном собрании сочинений писателя, вышедший в Москве в 1997–2000 годы, вошел и майкопский цикл рассказов: «Приключение скелета в Майкопе», «Приписной казак Абдуллах», «Свидания во сне», «Конь на скаку, горящая изба», «Короли целей», «Позднее знание о семействе Амарантовых», «Предчувствие журавлей», «Грибы с глазами», «Готовый роман», «Воспоминание о Красном быке». В них, а также в серии коротких рассказов под общим названием «Газыри» («Что такое

«адыгэ хабзэ»...», «Тяга к оружию – понятие эстетическое», «Где Александр Сергеевич видел бурку?», «Калмык-чай» и других) отражены глубокие размышления автора об обычаях, традициях горских народов, адыгов, их истории, культуре, мировоззрении.

Сотрудничество с писателями Адыгеи началось с переводческой деятельности, когда Г. Л. Немченко блестяще перевел рассказ своего друга Пшимафа Кошубаева «Старый петух Былымготовых» (1973). Затем последовали переводы произведений других авторов, в частности, рассказов Юнуса Чуяко «Солнце уже высоко», «Вернись, Титу, верни-ись...». И, как впоследствии признавался сам писатель, «рассказы эти, родственные моему творчеству, надолго стали цепочкой, связывающей меня с Адыгеей: помнил ее всегда с благодарностью и постоянно сюда возвращался».

Позже Г. Л. Немченко перевел на русский язык романы Юнуса Чуяко «Сказание о Железном Волке», «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой», удостоенные Государственной премии Республики Адыгея. Недаром В. Распутин высоко оценил роман «Сказание о Железном Волке», выразив его суть словами: «Как должно в наше время любить свой народ».

О творческом тандеме Чуяко – Немченко стоит сказать особо, ибо после прочтения этих двух романов каждому становится ясно, насколько плодотворным было такое сотрудничество двух поистине народных писателей. Надо сказать, что, конечно же, здесь имеет место не механический и даже не просто адекватный перевод. Г. Л. Немченко вложил душу в текст перевода, его мироощущение, мировосприятие присутствуют в каждой строке русского текста романов, чувствуются в стиле, особой тональности повествования. Талант и высокое духовное состояние автора и переводчика, оказавшись созвучными друг другу, вылились в мощное, захватывающее читателя повествование.

Все, что Гарий Леонтьевич пишет и делает, идет от души. Слову его веришь, потому что оно искреннее, выверено жизненным опытом и наполнено неподдельной любовью и уважением к человеку. И строка писательская под стать автору – емкая, размашистая, наполненная глубоким смыслом, яркой образностью, множеством ассоциаций, словно торопится автор поведать читателю обо всем, что увидено, пройдено, пережито. Эпика Г. Л. Немченко носит исповедальный характер, в абсолютном большинстве его произведений повествование идет от первого лица, что, как правило, обязывает автора к особой искренности, честности перед читателем и к особой, доверительной интонации.

Последнее время Г. Л. Немченко активно занимается общественной деятельностью, он вносит неоценимый вклад в развитие литературного процесса Северного Кавказа, упорение связей северокавказских литераторов с литературной общественностью России. Писатель явился одним из главных инициаторов составления и издания сборников рассказов северокавказских писателей («Война длиною в жизнь»), а затем и двухтомника повестей («Лес одиночества», «Цепи снеговых гор»), опубликованных в 2007 и 2009 годах при содействии Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ (Фонд С. А. Филатова).

В блистательной по симбиозу аналитичности и образности вступительной статье к сборнику рассказов Г. Л. Немченко очень точно подметил, что северокавказская интеллигенция, жадно осваивающая достижения мировой литературы, «блестяще и бережно владеет не испорченным здесь пока, не потускневшим русским языком». Что именно в годы идеологического забвения здесь появляется «долгожданная, блестяще написанная... первоклассная литература, которой самый последний мировой опыт удалось привить к мощному древу уникальной кавказской мифологии».

Основной причиной, побудившей инициаторов издания таких книг, было желание наладить прерванные межнациональные литературные связи, понять глубже не менее загадочный для русского человека горский характер. И надо отметить, что появление этих изданий стало значимым фактором во всем культурологическом пространстве не только Северного Кавказа, но и всей России.

О глубине проникновения русского писателя в ментальность адыгов, в проблемы горцев и соседних с ними народов свидетельствуют его высказывания: «Нет на всей земле уголка, больше напоминающего райский и как раз поэтому-то в очередной раз попытке жестокого передела подвигнувшегося. И нет на земле характера тверже и самодостаточнее горского».

Много физических и душевных сил вложил Г. Л. Немченко в сбор рукописей, подготовку текстов и составление двух сборников. Мы, майкопчане, были свидетелями того, как он вместе со своей замечательной супругой и неизменной помощницей Ларисой Александровной (кстати сказать, уроженкой Майкопа) получал и рассылал рукописи 46 авторов со всего Северного Кавказа, проявляя терпение, доброжелательность и такт в общении с таким количеством писателей. А когда позже, на презентации этих же сборников, все принялись дружно благодарить и хвалить Гария Леонтьевича за самоотверженный труд, он от смущения заливался пунцовой краской. Не знаю, как вы, дорогие читатели, но я встречала не многих, кто не разулился краснеть, как мальчишка, и к семидесяти годам.

Здесь мне особо хотелось бы отметить, что из неофициальной беседы с одним из друзей Г. Л. Немченко я узнала удивительную вещь: вся его подвижничья деятельность на Северном Кавказе – желание писателя отдать долг за русских на Кавказской войне XIX века. Думаю, что этот благородный порыв говорит о многом. Гарий Леонтьевич Немченко – живое олицетворение таких качеств рыцарского кодекса, как доблесть, честь, справедливость. И как здорово, что такой человек живет и здравствует среди нас!

Если учесть, что в многонациональной России до сих пор идеологи находятся в поисках национальной идеи, способной покончить с разобщением людей, сплотить вокруг себя народы, в ней проживающие, то, не правда ли, такая поведенческая модель – лучшее практическое решение проблемы? Духовный человек, живущий по совести, толерантный к культуре, ментальности других народов, везде свой, его примет с уважением и любовью любой народ.

Таков и Гарий Леонтьевич. Судьба наделила его великой, неистребимой жадной к странствиям, перемене мест, встречам с людьми самого разного толка, национальностями и вероисповеданиями. И всегда он находит в себе силы для понимания, прощения и сострадания к страждущим, неумная жажда познания жизни движет им, направляя во все концы необъятной России. Везде он желанный гость: в Сибири, на Кубани, в Москве и Нальчике, Поволжье и Адыгее, Осетии и на всем Северном Кавказе. И кочует странничья душа – Гарий Леонтьевич Немченко – по всей стране, а за ним длинным шлейфом тянется светлый след от его добрых мыслей, слов, поступков.

Дорогой Гарий Леонтьевич! В день вашего юбилея мне страстно хочется сказать вам спасибо за то, что вы есть, за то, что вы каким-то чудом, непостижимым образом уцелели в нашей абсурдной, цинично-прагматичной действительности и продолжаете Словом и Делом нести Добро, Свет, Красоту и Смысл человеческого бытия. Видимо, не перевелись еще праведники в России. И дай вам Бог еще долгие лета жить и здравствовать на радость вашим близким и всем нам!

Кутас ПАРАНУК,
доктор филологических наук

ЮБИЛЕЙ

Гарий Немченко

Кто кого нашел?..

Теперь уж не помню, зачем мне понадобилось в каталоге Национальной библиотеки — само собой, бывшей «Ленинки» — отыскивать собственные книги, но обнаружил вдруг, их там нет... ну, как не было!

Но ведь были?!

В каталог, правда, несколько лет уже не заглядывал: давно, слава Богу, миновала пора писательского тщеславия.

Это в пору, когда ходил в сибирских «молодых-начинающих», как священнодействие было: в каждый приезд в Москву непременно заскочить в главную, значит, библиотеку страны, по широкой мраморной лестнице подняться на просторный балкон с привычными глазу и дорогими сердцу балюстрадами, в открытом справочном зале, высоком и гулком, нырнуть в хорошо знакомый проход между старыми деревянными шкафами с рядами литер на ящичках каталога, найти среди них заветный, и не обязательно вытащить и присесть с ним за один из столов неподалеку — хотя бы так, стоя, перебрать нанизанные на металлическом штыре карточки с таким же, как у тебя фамилиями, чтобы над заголовками книг увидеть, наконец, и свои имя-отчество...

Сперва была одна-единственная жалкая карточка с ними... Две потом. Три, наконец. Четыре... Как медленно они пополнились! И сколь многое тогда значили.

Но вот пошло живей вроде бы, уже десятков книг на счету, уже полтора, и как у всякого с ещё неопытной душой, но уже с сознанием собственной значимости человека почти сокровенное таинство потихоньку стало превращаться в привычный ритуал: по каким бы делам ни прилетел из своего Новокузнецка в Белокаменную, как долго бы потом дружеское застолье в Доме литераторов ни пролилось, все равно выкроишь минуту, чтобы завернуть в библиотеку... Не без некоторого, конечно же, пижонства достанешь из кармана год от года аккуратно продляемый билет, вместе с крошечным «читательским листком» протянешь симпатичной милицейской сержантке и через ступеньку помчишься наверх, выхватишь из деревянного шкафа свой ящичек, замрешь над ним, будто Кошечкой над сундуком со златом-серебром: вот оно, все тут, вот оно!..

И еще прибавилось, и еще... Прав Гена Емельянов, Геннаша, внушавший мне за стаканом (как истинный сибиряк, он, правда, делал ударение на последнем слоге — за стаканом), что мы с ним — два классика на всю-то матушку Сибирь: «Да, старичок Гарюша, да — ну, назови мне кого-нибудь еще — все жалкие и ничтожные личности, все — щенки!..»

Я пытался, не очень, правда, настойчиво, возражать: мол, не гони картину, шеф!.. Признаться: так ведь и не прочитал Олега Куваева, а? А там ведь в Магадане есть ещё такой — Альберт Мифтахутдинов... да что Магадан — рядом с нашей Кузней, в Барнауле, лесник живёт... может, егерь, не в этом дело, главное — какие рассказы пишет! Евгений Гущин.

Припоминал, как в самолете, в котором в Вешенскую, на встречу с Шолоховым, летела большая делегация молодых писа-

телей, оказался рядом с восходящей тогда звездой — Геннадием Машкиным и по привычке, перенятой как раз у Емельянова, у старшего друга и наставника, тут же и понес землячков его, иркутян. Всех. Скопом. Тем более, что он тоже тогда в Иркутске жил. Скоп. Но начал я не с него. Мол. Шугаев?.. «Беги и возвращайся»?.. Это куда же, мол, ему на фиг бежать приспичило и зачем ему на фиг возвращаться?.. И сидел бы там, куда убежал!

Машкин задыхался от возмущения:

— Да-да ты хоть слышал, что т-такое — «иркутская стенка»?!

— Ну, давай, «Синее море»! — нарывался я. — Давай, «Синий пароход», — открой глаза тёмному!

Как давно это было, Господи! И как будто вчера...

Но, может быть, новая власть решила хорошенько перетрясти фонды библиотек и давненько уже это сделала? Не только тут, в Ленинке. По всей стране. Всюду.

Тогда — большевики. Теперь — младореформаторы.

Для них как раз наше поколение — кость в горле. Печальная судьба: «отцы-классики» нас явно передержали, а этим мы на дух не нужны. Как в хоккее, в жесткой игре — этакая «коробочка», в которой кости хрустят... хорошо, что не сломали хребет. Но это вам фиг, ребята, это — фиг!

Первым делом нашёл картотеку Сафонова, почтить Эрика: все на месте.

И Славу Шугаева почтить надо... и скольких уже, выходит, скольких!

Потом перешёл к живым: с улыбкой и понимающими кивками перебрал карточки Юры Галкина... насколько могло быть больше, если бы нас нынче издавали — Юра великий труженик, великий!

Но хорошо уже то, что остался в каталоге... почему из тележки я-то выпал?!

Ладно, думаю. Это на меня какое-то затмение нашло. Бывает же?

Пять часов просидел над мудренными текстами, устал, что ни говори, и тут взялся за каталог... давай-ка завтра, брат. На свежую голову.

Из-за неожиданных телефонных звонков утром планы пришлось переиначить: волка ноги кормят, дело известное, тем более в наше сучье время да при таком, как у меня, образе жизни... Менять места обитания стало делом давно привычным: «Забегаетесь, ребята!» — как говаривал, бывало, в нашем издательстве, в «Советском писателе», великолепный художник Женя Дробязин, потомок народовольцев, имевший врожденную привычку продолжать мало кому понятный диалог с царской охранкой. — Забегаетесь!

В библиотеку попал только через несколько месяцев, о каталоге вспомнил опять в конце дня и махнул рукой, но наутро, убе-

дившись, что карточек моих по-прежнему нет, наконец, решил с этим разобраться. Посетовал, что нужный мне автор почему-то в каталоге не значится, и пожилая дежурная хмуро предложила: заполните листок требования, закажите, мол, какую знаете, его книгу — через полчаса попробую вам ответить.

Говорят, что первая книга — как первая любовь.

«Здравствуй, Галочкин!» написал я на листке название первого романа.

— Послушайте! — озадаченно сказала дежурная, когда снова подошел к ней. — У него много книг, у этого автора, но почему-то в нашем каталоге — ни одной...

— Вот и я — о том же.

— Дайте-ка ваш читательский!

Я протянул ей билет, она раскрыла, перевела взгляд на меня:

— Так это вы? Ваши книги?

— Да уж, извините...

— Чего ж тут извиняться... присядьте.

Возле неширокого столика сел напротив, она еще раз зачем-то посмотрела на билет и на листок требования.

— Послушайте...

— Весь внимание.

Она пристально посмотрела на меня изучающим взглядом ко всему привыкшей и давно уставшей от этого всего школьной учительницы...

— О чем хочу вас спросить...

Сняла очки в тонкой оправе, концами пальцев поправила прическу над ухом: милая женщина, которую я невольно отвлек от каких-то своих не очень веселых дум.

— У вас есть враги?

Невольно переспросил:

— Враги?.. У меня?

— Да, у вас. Враги. Есть?

Наверное, я решил маленько развлечь ее: поднялся со стула, расправил плечи. Левую ладонь приложил к боку, словно нащупав что-то на поясе, накрыл ее правой пятерной:

— У настоящего джигита должно быть много врагов!

Собеседница моя, вспомнила, наконец, что она — женщина: брови над помолодевшими глазами вскинулись, щеки стали медленно розоветь:

— Вы — джигит?

И мне пришлось подбородок приподнять:

— Разве по мне не видно?

— Н-ну, — помедлила она уже чуть кокетливо. — Н-ну...

— Надеюсь, вы хотите сказать, мол, если присмотреться, то — да?!

Поднял все-таки бабенке настроение, поднял: наконец, рассмеялась.

— Вообще-то я казак, — пришлось продолжать. — И приписной черкес...

— А это что за категория?

— Принятый за своего... Названный.

— За особые заслуги?

— Большой роман перевел...старался. Но если бы мой кунак знал, что меня даже в каталоге нет, он бы мне ни за что не доверил!

— Наверное, насолдили кому-то, — сказала она уже с явным сочувствием. — Крупно... Дорогу кому-то перешли: незаметно рвут по одной карточке. Подошел несколько раз... или она. Подошла... а если рядом никого, могут и за один раз вырвать.

— И «ваших — нет»?

— Вы же убедились теперь.

— Что же это: война всех против всех?.. Изобретение последней поры?

— К сожалению, всегда было. Раньше, правда, все-таки реже... в научном мире, в основном.

— И это — уже навсегда? Восстановлению не подлежит?

Она улыбнулась уже совсем свойски:

— Так и быть, пожалеем вас. Тем более — джигит. Придётся все заново...

Прошел месяц-другой, и карточки мои были восстановлены, но глядел я на них без радости... Что же, думал, все-таки произошло со старыми? Кому помешали?

Может, это «привет» из тех времен, когда я достаточно долго, семь лет, был заведующим редакцией «русской советской прозы» в одном из крупнейших тогда издательств, в «Советском писателе»?.. Василий Петрович Росляков, светлая ему память, и года на этом месте не выдержал.

Всякого хлебнуть пришлось уже на первых порах, и, чтобы укрепиться душой, я придумал себе девиз: не бросить писать, не спиться, не скурвиться.

Кто бы что ни говорил, но сам знаю: собластись себя, наверняка с Божией помощью, мне удалось. Но обиженным, хочешь-не хочешь, наверняка несть числа!.. К тому же задним умом, чем и силен русский человек, годы и годы спустя стал доходить, как искусно и как безжалостно люди подставляли те, кого считал верными своими соратниками... Так что поделом тебе, джигит! Поделом.

Или, размышлял, это уже следствие мифического твоего атаманства?.. Несколько лет назад Свага Ольшанский показал мне распечатку гуляющего в Интернете файла под названием «Национализм. Экстремизм. Ксенофобия». И кто в нем первым номером числится? Год или два спустя после подлой полосы в «Литературке» под набранной крупно шапкой «ШАШКИ К БОЮ ГОТОВЫ: ОСТАЛОСЬ НАЙТИ ВРАГА!» случайно встретил у лифта Соломонова, опубликованного тогда комментарии к моей беседе с Владимиром Киселевым.

— Ты что же, Юра? — спросил. — Выходит, плохо знал меня по Кузбассу, по нашей Кузнец?.. Или я с тех пор так изменился?

— Хотели тебя разрекламировать! — развел руками ненадежный землячок.

И ведь разрекламировали, и правда! Настолько, что в библиотечном каталоге не нужны стали карточки. А зачем?

Тут и без книг все ясно.

Нашли тогда ребята-демократы врага, нашли...

Поэзия Дона

Виктор
Чеботников

Член Союза писателей России,
Новочеркасск

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращаюсь по мягкой тропинке,
Не тревожа и дремлющих трав,
Где на каждом листке — по росинке,
А в росинке — таинственный сплав.
Будто звуками звезды упали
Из мелодий ночной тишины,
Тронув душу, они отпылали
И лежат, как улыбка, нежны...
Шелестят камышовые свечи,
Только я не предаю их огню...
Просто я возвращаюсь навстречу
Наступившему, новому дню.

НАСТРОЕНИЕ

Я, как прежде, весел и любим.
И тоска, как прежде, душу гложет.
Но хранит меня мой херувим
В час трудов и в час бессонной ночи.
Я горжусь: и стареньким авто,
И своими старыми друзьями,
Я горжусь, что до сих пор никто
Не швырял в нас походка камнями.
Я приемлю жизнь такой — как есть.
И меня тому учили люди:
Выше нас лишь Божий Суд и Честь,
И, конечно, все мои причуды..

Еще один февраль
Метелями метет.
В зашторенном окне
Не видно силуэта.
И знаю, за окном
Никто меня не ждет,
А я вот не хочу
Печалиться об этом.
Давно известно мне:
Уляжется метель,
И старые следы
Сокроются под снегом.
Потом размочит их
Апрельская капля,
И снова жизнь пойдет —
Своим, неспешным бегом.

Софье Ян

Не потому я робок был,
Что был — не смелым.
Я вас и пламенно любил,
И — неумело...
Но вы парили надо мною

Так высоко,
Нам было холодно вдвоем,
И — одиноко.

***

Вечерний шепот губ твоих,
И на плече твоя рука.
Счастливей нас нет двоих,
А впереди — река, река...
Два раза в реку не войти,
Я это знаю, милый мой,
Но все преграды на пути
Пройду я летом и зимой,
Я их преодолеть смогу,
Мне б только знать, где ты, где ты,
В пыли дорог и на снегу
Я отыщу твои следы...
И тихий шепот губ твоих
Мне снова ветер принесет,
Прошел наш вечер — на двоих,
И лишь река течет, течет...
Два раза в реку не войти,
Я это знала, милый мой...
Но не расходятся пути,
Определенные судьбой.

ЮБИЛЕЙ

Виталий Кириченко

ПЕСЧАНАЯ БОГИНЯ

Писатель большой
перспективы

(к 70-летию Виталия Кириченко)

Так когда-то отозвался о Виталии Кириченко крупный кубанский писатель Иван Бойко. И всем своим дальнейшим творчеством наш юбиляр убедительно доказал правоту своего старшего друга.

Я познакомился с Виталием Ивановичем в октябре 2009 года, мы обменялись книгами, и вскоре он написал обо мне большую статью, приятно удивив и обрадовав блестящим знанием законов поэзии, многих особенностей стихотворной техники, что свидетельствует о широте его культурных интересов и большой эрудиции. Статью он разместил в нескольких газетах, вплоть до «Литературной России», за что я ему сердечно признателен.

В дальнейшем, читая рассказы В. И. Кириченко, я неоднократно ощущал в его прозе поэтические обертоны:

«Изыявились старушечьими слезами часы его жизни, песок вытек, остались песчинки-секундочки... А нечего взять за порог, кроме дурной славы».

Или вот ещё:

«Мысли Филиппа рвались, как прелая верёвка, кусками разной длины, возвращаясь к прошлому».

Есть в русской прозе такая поэтическая традиция: здесь уместно назвать и Николая Гоголя, и Андрея Белого, и Михаила Булгакова, и Бориса Пастернака. И многих других, в чьих рассказах и повестях нередко возникали то ритмика, то образность из арсенала поэтических художественных средств. У того же Ивана Бойко есть потрясающая поэма в прозе «Гимн хате». О своём друге Иван Николаевич написал: «Виталий Кириченко много думал, наблюдал в жизни, многому учился у классиков отечественной литературы... Из скромного учителя и журналиста упорнейшим трудом выработался хороший русский писатель... со своим – кириченковским – стилем повествования». Редактор его книги «Свадьба у Дегальцевых» Игорь Ясинский отмечает эмоционально-нравственную активность автора, его умение ярко, правдиво и жизненно раскрывать образы героев, их действия, поступки и чаянья, умение достоверно, с большой художественной убедительностью описывать не только то, чему он был свидетелем, но и те события (к примеру, времён Великой Отечественной войны), о которых он мог узнать с чьих-то слов или из архивно-публицистических документов.

Не случайно большой писательский талант Виталия Кириченко в 2006 году по итогам литературного фестиваля «Лазоревая степь», посвящённого 100-летию Михаила Шолохова, был отмечен высшей наградой – дипломом I степени.

Рассказы В. И. Кириченко неоднократно являлись подлинным украшением газеты «Кубанский писатель», и мы (редакция газеты и весь писательский коллектив) сердечно поздравляем Виталия Ивановича со славным юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, больших физических и духовных сил, творческого долголетия!

Валерий КЛЕБАНОВ

Было иль не было? И сколько лет пролетело: семнадцать, двадцать? Забылись товарищи, с которыми учился в Кубанском университете, девушки, с кем зубоскалил и флиртовал. Иногда достаю фотографию группы однокурсников, по ней только и вспомню, какие мы были худые, долговязые, как воображали себя в спорах умниками, и не было ничего невозможного, недостижимого. Все неприятности, даже такие, что могли испортить судьбу, казались мелочами, пустяками, занимали мысли недолго.

Остепенились теперь ребята и девчата, с кем сидел на лекциях, бегал по столовкам, кинотеатрам и концертным залам. Растерялись по стране, растаяв детей и внуков, продвигают дело и сами с ним продвигаются. Так же редко, как я, смотрят на фотографию. Кто взгрустнёт и улыбнётся, вспомнив что-то забавное, кого передёрнет страх перед текущим временем, кто гордой усмешкой подчеркнёт своё нынешнее благополучие. Не усмехайся, мой товарищ. Дойдёт и до тебя, не раньше, так позже, что ни карьера, ни даже уютное, трудами светое семейное гнездо – всё не так прекрасно, как те беззаботные, светлые дни, наполненные радостью существования, избытком энергии.

Было иль не было? И сколько лет пролетело: семнадцать, двадцать?

... После экзаменационных волнений и нескольких дней отдыха нам, новым первокурсникам, предложили поехать в совхоз возле Анапы на уборку винограда. Восторг и радость, недолгие сборы, песенная и ухабистая дорога – и вот мы на берегу моря, в пустом пионерском лагере. И после суматохи вселения, устройства быта побежали купаться.

Море поразило густой синей бескрайностью. Чайки неторопливо летали вдоль берега и резко кричали, словно жаловались. Вечернее солнце макнулось в горизонт, краснело и окутывалось белым паром, как бы осылая от прикосновения с волнами. И так было жаль, что кончается день!

Мы купались в тёмно-синей упругой воде, где было тепло, а на воздухе пробирала дрожь. Множество мелких всплесков казались рыбками, хотелось их поймать ладошкой и рассмотреть. Быстро темнело, струйки переливались изумрудно-малиновыми змейками, от пальцев ускользали невидимые медузы. Девушки первыми благодарно вышли на берег, обтирая мохнатыми полотенцами блестящие плечи, и от них шло свечение в сумерках. Детские грибки и лавочки, серые кучи песка громоздились отчуждённо, инoplanетно. Воздух быстро подсинивался, словно всасывал из нижней стихии краску. Вспыхивали последние розовые всполохи по гляncy воды. В ней сгущался страх, подползала по дну неведомая опасность. Последний отфыркивающийся купальщик, который брёл в темноте по мели, насторожил, испугал всех.

...Перед зачислением в университет я работал каменщиком в ремстройтресте. После армейской дисциплины, какой жил три года, на стройке многое не нравилось. Доски втаптывались в грязь, стекло хрустело под сапогами, серыми глыбами застывал на носилках невыработанный бетон. Я вслух возмущался, ещё не сообразив, что такова снизу доверху гниющая система. Рабочие соглашались со мной, прораб отмалчивался или разводил руками. А мне хотелось сдвигов и улучшений. В конце концов, я решительно выступил на собрании по всем недостаткам. Факты были очевидные, проверенные, против них возразить нечего.

На следующий день меня вызвал в контору секретарь партбюро, он же завотделом кадров Апанасенко. Низенький,

толстый и крепкий, в просторном полотноном кителе, модном тогда в среде чиновников. Он осмотрел меня с подозрением и опаской, переставил на подоконник чернильный прибор, будто я мог кинуть в него этот предмет. И жестко, непрекаемо сказал, постукивая при каждом слове ребром ладони:

– Тебе не нравятся наши порядки? Вот твоя трудовая книжка: катись на все четыре стороны.

Я, конечно, растерялся. Не знал, что и так возможно. Глядя в его выцветшие, тускло-алюминиевые глаза, заметил в них блеснувший глубоко спрятанный страх. И меня взорвало. Чувствуя, как спекаются и сохнут губы, я заговорил, что никуда не уйду, пока не докажу всем, что прав. Сорвались слова, что «на такого партсекретаря, как вы, нельзя положиться». Я швырнул свою трудовую книжку ему на грудь, хлопнул дверью. Пусть выгоняет, если сумеет!

И долго не мог успокоиться. Клад ли кирпичи, мешал ли раствор, а всё вставали тускло-алюминиевые глаза. Я мысленно доказывал, что Апанасенко не прав, справедливость и правда дороже всего, а критика – необходимое лекарство. И думал, где же истина? Ведь факты очевидные, против них не возражишь. Но так как разговор больше нигде не продолжился и мне никто не угрожал, постепенно забылась эта обида. До чего ж наивным я был в те годы! Считал, что Апанасенко оставил меня в покое. «Голой рукой нас не возьмёшь!» – хвастал я перед бригадой. Но когда стал сдавать вступительные экзамены, после смены меня не пустили в общежитие стройтреста. Почему? Комендантша, сочувствуя, объяснила, что так распорядились партком и отдел кадров. Мест не хватает, а я теперь почти студент, должен добиваться койки в вузе. Ночь я провёл в вестибюле, утром поехал в райком. Куда ж ещё, как не в цитадель справедливости? Приняли меня вежливые люди, выслушали, позвонили Апанасенко. Из трубки доносился его льстивый, услужливый голос, какого я никогда не слышал от него. Дескать, не давал такого распоряжения, недоразумение исправим, пусть живёт, пока числится каменщиком. «Склочный, кляузный, настраивает рабочих против партии и руководства», – услышал я о себе откровенно лживую последнюю фразу. Райкомовцы переглянулись, настороженно посмотрели в мою сторону, но менять решение не стали. Я был восстановлен в общежитийных правах.

Но этим не кончилось, а продолжилось здесь, в совхозе у моря.

С вечернего купания мы шли с соседом по койкам, Валентином. Он был очень стеснительный, высокий, сутулящийся, но со мной чувствовал себя свободнее. В новой обстановке мы держались друг друга. Я рассеянно слушал Валентина, удивлялся, как быстро, без переходов, день превращается в ночь: точно фигура в тире переворачивается. Босые наши ноги вступали то в тёплый, то в волгкий, остывший песок. Быть нам здесь дней сорок. И мы договорились вставать пораньше и заниматься гимнастикой на кромке берега.

Утром Валя разбудил меня. Захватив полотенца, мы трусцой побежали к морю. Лучи грели спину, песок опять был волгкий, впитал росу. У грибов, к нашему удивлению, уже занимался начальник лагеря, доктор исторических наук, известнейший археолог Никита Владимирович Анфимов. Он широко и привычно размахивал сильно загоревшими руками, делал приседания. Мы поздоровались, пробежали мимо. Солнце теперь грело правую щеку. Валентин на бегу рассказывал, что Никита Владимирович – «светило». Ему под шестьдесят,

а выглядит вдвое моложе, загорел, как арап. И ежегодно возит студентов на раскопки, вот бы попасть к нему в экспедицию! Валя прижимал локти к бокам, взбрыкивался, пританцовывал в мокром песке и оглядывался. Следы его ног затягивались. Цвет моря был более тёмным, чем вечером. Редкие волны шли косяком, лениво выплывали на берег пену, щепочки, водоросли. От песчаных дюн легли дрожащие тени, как высунутые языки. Грудь распирало от ощущения простора, чистоты воздуха, бодрости. Валя наметил добежать до геодезического столба на самой высокой дюне, и ускорил ход. Его длинные рыжеватые ноги отталкивались от земли легко и споро. Я не отставал, замирал в полёте, надеясь лететь и лететь, обманывая непобедимое притяжение. Вокруг – никого. Мы были как Робинзоны, радовались одиночеству, началу яркого дня.

Вдруг Валя сбился с ноги у очередной дюны, и стал. Перед нами лежала, как живая, обнажённая женщина двухметровой длины, искусно изваянная из песка. Розовый свет мягко окутывал её фигуру, создавая впечатление телесности. Босые ступни, плотно сжатые бёдра, холмики грудей, прямой античный нос, чистый лоб. Пропорции тела были удивительно точными. Никаких шероховатостей, тонкая, тщательная работа. Даже не верилось, что эта красота создана из обыкновенного песка. Кем? Сколько времени затратил здесь ваятель? И так легко разрушить его создание! Набегут отдыхающие, найдётся из них варвар, ещё и потопчется пятками по песчаным грудям. Но как красиво! Эффект ли раннего солнца, скользкого по песку, бодрящая ли наша радость были причиной ощущения необыкновенной красоты, или тоска по живой женщине, которая уже сидела неотступно в груди.

Став поодаль лицом к нашей песчаной богине, мы начали делать физзарядку, ревниво наблюдая, как изменяется освещение, светлеет сизоватый воздух, уползают к дюнам языки теней. Богиня лежала спокойно, величественно, как бы зная себе цену. Мы робели к ней дотронуться.

С того утра, не сговариваясь, мы бегали на свиданье к богине. И она возникла внезапно в сером песке, и так же поражала красотой, как и в первый раз. Тело её было вечером тёплым, как настоящее, излучало тепло. А утром сияло светом. Это была наша тайна, которую боялись доверить кому-нибудь и хотели продлить. Работая на винограднике, мы думали о ней, страшились, что кто-то может её разрушить. Незнакомый скульптор, наверно, студент художественно-графического факультета, невзначай подарил нам радость общения с красотой. Её бы изваять из долговечного материала, чтоб уберечь от разрушения, но талантливые люди безоглядно щедры.

Прошло дней двадцать, а она всё лежала нетронутой. Вокруг взрыхлили песок тысячи наших следов, натоптанных во время физзарядок. Будто толпы являлись на поклонение в храм Прекрасного. На самом деле, кроме нас, никто её не нашёл, место было безлюдное, в сорока шагах от кромки берега. Лишь однажды кто-то повредил песчаной богине голень, наступил на бегу, и не заметил. Мы с Валеи принесли во рту и ладонях воды, со всем тщанием заделали вмятину.

Никита Владимирович каждое утро делал гимнастику и здоровался с нами, как с хорошими знакомыми. Иногда мы занимались вместе, повторяя его оригинальные упражнения. Даже подумывали поделиться с ним тайной песчаной богини, но постеснялись: всё-таки он старше нас, сможет ли понять?

(Продолжение на стр. 7)

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Зинаида Катуржевская

За три моря –
к святым местам

Вылетаем из Краснодара ранним утром, когда рассвет уже вступил в свои права. Возле иллюминатора самое удачное место. Очень хочется увидеть землю. Особенно, когда это желание исполняется впервые в жизни. Удивительно быстро внизу появились очертания Черноморского побережья. Так же быстро они удалились, под нами было Черное море. Бесконечное и очень синее. А вскоре и оно укрылось облаками. Высота 10 100 метров. А вот уже горы Турции – скалы без растительности, озера. Всё видится плоским, как на карте. И снова море, уже Средиземное, такое загадочное, окутанное легендами и мифами. Мы снижаемся, видна кривая линия побережья, незнакомого и такого многообещающего.

Около двух часов полета и самолёт совершает посадку в Международном аэропорту Бен-Гурион в Тель-Авиве. Мы в Израиле. Наша цель – через Иудейскую пустыню в Иерусалим. Любой путь приведет в этот город по следам паломников, совершающих это путешествие в течение тысячелетий. Сегодня очень редко увидишь паломника, преодолевающего расстояние пешком. В комфортабельном автобусе нас сопровождает гид с обычной русской речью. Он – родился в Советском Союзе. На Землю Обетованную его семья перебралась в 70-е годы прошлого столетия.

Пейзаж за окном для нашего понимания экзотический: разнообразные пальмы, лианы, финиковые рощи, невысокие цветущие кустарники, среди которых узнаешь наши цветы на подоконниках. Повсюду плантации королевских бананов, они вполнину меньше привычных для нас экземпляров. На крышах домов бочки – здесь солнечную энергию преобразуют в тепловую. В бочках вода, температура её достаточна для хозяйственных нужд. Любый клочок земли используется полноценно с рациональным капельным орошением. Дефицита воды нигде не заметно, это при том, что большую часть территории Израиля занимают пустыни.

Пересекаем Иудейскую. Но не так уж она и пуста. Главное – через неё проложена дорога, по которой мы движемся. Холмистая местность позволяет спрятаться от знойного ветра и беспощадного солнца несколькими оазисам. Вдоль дороги можно встретить небольшие поселения бедуинов. Жилища их сложены из подручного материала: доски, куски металла, картон. Чёрное на бледно-бежевом. Вокруг ни единого деревца, только выжженная почти до бела глина с песком. На солнцепёке, опустив морду, стоит осел. У следующего поселения в хозяйстве был верблюд. Деловая активность бедуинов зависит от температуры воздуха. Как они выживают в таких условиях? Но так жили их предки, так живут и они, отвергая все предложения властей о переселении.

Мёртвое море

Иудейская пустыня упирается в обугленные солнцем и пропитанные солью берега бессточного Мёртвого моря. Питают его несколько пересыхающих ручьёв и священная река Иордан. Не задевая самолёбия, каждый, кто ступил на раскаленный пляж, может сказать: «Никогда я не опускался

так низко, как сейчас...». Мы находимся на самой низкой точке земного шара – 400 м ниже уровня моря. Оазис напоминает собой фантастическую картинку из фильма «Кинза-дза»: несколько высоких пальм размахивают веерами в поднебесье, пара бунгало-раздевалок да множество возвышающихся водонапорных кранов пресной воды. Кустики сухой травы оживут на короткое время в зимние месяцы, а потом солнце иссушит стойких героев пустыни. Они почернеют, но не сдадутся.

Воздух пропитан солью, выйдя из автобуса, её начинаешь ощущать на губах почти сразу. Лучи солнца безжалостно обжигают, не щадя никого. Представить нетрудно, каким испытаниям подверглись евреи, ведомые Моисеем.

На голову – шляпу, на плечи – накидку – иначе задымишься. Прибрежная твердь состоит из грязевых отложений отступающего моря. Ступив на неё босыми ногами, невольно начинаешь исполнять танец «на горящих углях». На солнце под 50 °С, а тень здесь в большом дефиците. Ни одного желающего позагорать. Быстрее, быстрее в воду, в ней всего 34 °, на ощупь она словно глицирин, только очень солёная. В ней растворено 33,7% солей. Очень высокая минерализация не позволяет провести в воде более 30 минут. Лучше полежать на воде, как на желеобразном матрасе. Ранки или царапины сразу же напомнят о себе. Утонуть здесь нереально, рассол держит бережно и надёжно, но ни пловцов, ни ныряльщиков не увидишь. Качаются на воде, получающие свою долю живительных сил, да разгуливают обмазавшиеся грязью люди.

Далеко, на противоположном берегу Мёртвого моря, застыла в дымке гряда гор Иордании.

Иерусалим

Через час, с небольшими остановками, мы были далеко от обжигающего морского солнца. Иерусалим встретил лёгким ветерком, комфортной температурой воздуха. Священный город трёх религий – иудаизма, христианства и ислама. Уже видны купола Древнего города. Прямо перед нами Масличная гора, с которой Христос вознесся на небеса. В саду до сих пор растут оливы с возрастом в несколько веков. За крепостными стенами Старого города – древнее еврейское кладбище, которому более

2000 лет. В пределах крепостных стен – Храмовая гора. Её подпорная Западная стена и есть Стена Плача. Здесь, как и повсюду, паломники разных конфессий: арабы-христиане, католики, ортодоксальные иудеи... Мужчинам отведена большая часть стены, но женщины ничего в этом не усматривают, для них важнее сказать своё «Прости» и «Господи, спаси!». Христианскими Святынями являются Храм Воскресения Христова (Храм Гроба Господня) и множество церквей, возведённых там, где ступала нога Иисуса. Мы стоим на улице Виа Долороза (Путь Скорби) – на крестном пути Иисуса Христа к месту распятия. Каменные ступени, отполированные за многие века подошвами миллионов паломников до блеска, ведут от Львиных ворот Старого города до Голгофы. Первая церковь Гроба Господня была построена в 335 году матерью императора Константина Великого – царицей Еленой. Крестonosцы многое разрушили и перестроили, но сохранили место распятия Христа. Это небольшая ниша, в ней отмечено место, где стоял крест, за ним стоит икона Божьей Матери. По обе стороны от ниши, под стеклом, лежат камни, поддерживавшие крест.

Немного дальше задерживаемся у центральной святыни – надгробия Гроба Господня. Паломники кладут на него крестики, иконы, свечи, чтобы освятить их светом Божьей премудрости.

В Храмах постоянно идут службы, поэтому не всегда желающие войти в пещеру Гроба (Кувуклию) могут это осуществить. Выстояв в общей веренице верующих разных стран, наций, исповеданий, мы, склонив голову перед невысоким входом, вошли в святую Гробницу, которая состоит из двух комнат: «погребальная камера», где справа располагается каменное трёхдневное ложе Христа, и входная комната «придел Ангела». Находиться в них можно не более трёх минут, а поместиться одновременно там могут 2–3 человека.

Выходя из Кувуклии, ещё долго представляешь перед собой увиденное в Храме Воскресения Христова. Именно к лампадам у трёхдневного ложа Христа сходит благодатный огонь накануне Святой Пасхи.

Горящие лампы тусклые, а стены каменные, не обработанные. Картины с библейскими сюжетами лишь немного скрашивают строгость помещений. Здесь по-иному ощущаешь реальность. Или даже

наоборот, теряешься в ней. Просто начинаешь жить в этом древнем городе, где улочки узкие, что два осла едва разойдутся. Торговцы заывают купить товар. А на Голгофе творится суд. Да, что это? Чувствуешь непередаваемое волнение от прикосновения к истории, к тем событиям, которые заново и заново переживают миллионы людей в христианском мире.

Старый Иерусалим поделён на четыре квартала с их святынями: Мусульманский, Христианский, Еврейский, Армянский. Несмотря на то, что храмы, мечети, церкви занимают почти всю территорию Старого города, в каменных постройках тысячелетней давности и сейчас живут потомки прежних жителей Иерусалима. Можно ли назвать квартирами полутёмные помещения, толщина стен которых от метра до пяти? А окна, как бойницы. И вдруг замечаешь – бойницы оформлены металлопластиком. Выглядят они как-то нелепо на фоне грубого камня и старинной кладки. Но...время времени. И этот поразительный контраст между древностью и современностью здесь повсюду.

Палестина

Пограничный пост между Израилем и Палестиной. Проверка документов. Только так можно попасть в Вифлеем. Границей между конфликтующими сторонами с недавних пор стал железобетонный забор 9-метровой высоты, протянувшийся на несколько километров. Контроль прошли и едем дальше. Останавливаемся перед низким входом Храма Рождества Христова, построенного над пещерой, где родился Спаситель. Это единственный, непрерывно действующий храм в мире. В течение многих столетий его грабили и заново отстраивали. Снаружи он каменный, войдя во внутрь, обнаруживаешь остатки бревенчатых стен и перекрытий. Удивительно, они не тронуты временем. На полу нижнего яруса сохранились остатки мозаики со времен византийского императора Константина. По большим каменным ступеням спускаемся под центральную часть церкви, в пещеру Рождества Христова. На одной из колонн около входа находится чудотворная Вифлеемская икона, единственная икона улыбающейся Божьей Матери. Спустившись в пещеру, справа от нас в неглубокой нише алтарь. Серебряной Вифлеемской звездой отмечено священное место рождения Христа. Несколькими ступеньками ниже – ясли, куда Дева Мария положила маленького Иисуса. Подземный храм существует со времен царицы Елены, и освещается он свечами. Пробыв в пещере совсем немного времени, начинаешь ощущать, что Иисус уже наверху среди людей, а мы всё ещё здесь, у его колыбели. Время повернуло вспять.

Поднимаемся из пещеры в огромный зал Базилики Рождества. Нам посчастливилось увидеть одно из красивейших таинств. В этот день в Храме проходило венчание молодой пары Фатхи и Наталии. Их имена нам сообщила лента на украшенной свадебной машине. Им – счастья!

А мы – в обратный путь, домой! И ещё долго вспоминая, будем удивляться: «Не сон ли это?»

ЮБИЛЕЙ

Виталий Кириченко

ПЕСЧАНАЯ БОГИНЯ

(Окончание. Начало на стр. 6)

В одно дождливое утро Никита Владимирович остановил меня по фамилии и предложил перед обедом зайти к нему в кабинет. И не сказал, зачем я понадобился. Мы с Валей долго гадали о причине приглашения. Ведь выделил же он из двухсот юношей и девушек именно меня!

До обеда я перетряс в памяти все свои незначительные проступки и шалости, какие можно было истолковать не в мою пользу, и, в конце концов, с чистой совестью явился к Никите Владимировичу, втайне мечтая о поощрении. На виноградушке мы с Валей делали почти по две нормы.

Никита Владимирович пригласил сесть.

– Вы работали в ремстройтресте? – участливо спросил

педагог. Во мне всё оборвалось: «Опять Апанасенко?» И не ошибся. Оказалось, активист партии настроил ректору длинное послание, которое заканчивал: «Таким не место в советских вузах!» Признаться, я испугался. Что стоит отчислить одного первокурсника, если на его место немало кандидатов? Моя судьба зависела от Никиты Владимировича.

– Расскажите, почему пришло письмо?

Я, как на духу, поведал о своей неудачной борьбе с недостатками. Никита Владимирович был внимателен. В конце беседы он заключил:

– Горячиться впредь я вам не советую. А вообще забудьте об этом письме. Идите работайте, как и раньше.

Я вышел из кабинета начальника. Студенты бездельничали, сидя в палатах, по случаю дождика. Я ушел в дюны. И незаметно оказался возле песчаной богини. Какие есть люди! Апанасенко. Для чего он состряпал свою писульку? Небось, когда творил, испытывал жажду мести. Как и многие активисты, строча анонимный пасквиль, из-за которого будет сломана судьба, а то и жизнь жертвы. И хоть вдогонку, но достал из безопасного места. Или всерьёз считал меня таким, как описал? Но я-то ведь не такой! А горячиться впредь надо меньше.

Письмо пришло не вчера. Никита Владимирович припрятал его, незаметно наводил, наверно, обо мне справки. Беседовал с куратором, со старостой группы. И каждый день присматривался, видел моё упорство. Из всех студентов лишь двое вставали раньше подъёма, ради зарядки.

Песчаная богиня не дала мне лениться, манила к себе и этим помогла. Красота спасёт мир? Я сидел перед ней на корточках и осторожно гладил песчаные волосы. Дождик постепенно разрушал её, капли били в тело. И по щекам моим лились щекочущие струйки.

Было, или не было? И сколько лет прошло-пролетело? Забылось многое, но мою песчаную богиню не тронуло время. Вижу её всегда, когда горько на душе от сытой усмешки или острой обиды.

МАСТЕРСКАЯ

ЛЮДМИЛА НАЦЕВИЧ

ДЕНЬ ЧИТАТЕЛЯ

бюджета, нехватку времени, — у каждого дети, внуки. Но мы здесь, на автостанции, и ждём ещё одну женщину, присоединившуюся к нам в качестве приглашённой, так как из нашей «обоймы» выпало трое. У одного образовались срочные дела по дому; у второй бюджет дал «течь» (600 рублей, минимум, на поездку — не с «куста снять»); третью подвело здоровье.

Ветер, дождь, пронизывающая до костей кубанская сырость. Конечно, если бы мы катили на личном транспорте нашего литератора: было бы не так утомительно и не так разорительно. Ехали бы впятером, притиснутые друг к другу, дружной, тёплой компанией, обсуждая ту или иную книгу, читая стихи, не только свои, но и любимых авторов, со многими из которых давно знакомы.

Но сегодня получилось так... В автобусе разговаривать сложно. Успели пробежать по базару в поисках подарка. Ограничились

букетом из роз. Летели по улице Красной с предельной для нашего возраста скоростью. Успели к назначенному времени.

Виновник торжества нервно вышагивал в пустом зале, явно думая, что по такой погоде никто не придёт. Но приехали мы, преодолев 140 км пути. Прибыли семь человек из ближайшей станицы, осилив 50 км пути. Подтянулись и краснодарцы из литературного объединения «Верность». Немного «задержавшись», присоединились члены обоих Союзов писателей. Родственники и организаторы мероприятия повеселели. Зал наполнялся мгновенно. Жизнерадостные, нарядные гости, уверенные в том, что презентация книги члена Союза писателей России достойна внимания их чутких, поэтических сердец, усаживались поудобнее. Молодой парень под гитару пел песни автора, заглушая шум и гвалт прибывших.

Но все расселись, и началось

чарующее действо праздника. Торжественные речи перемежались чтением стихов из книги, песен на стихи замечательного поэта. Цветы, подарки, комплименты, от которых наш скромный поэт краснеет. От застенчивости не знает куда деть руки. Под объективами и вспышками он улыбается, но держится скованно.

И вот пришло время, ради чего мы здесь: автор легко и свободно начинает читать свои стихи. Пришла уверенность, поэт будто вырос. Ведущая направляла наш взор в историческое прошлое, в его поэтическое сердце, в мечту, в то прекрасное будущее, в которое он, безусловно, верил. Мы готовы слушать его часами, но он всегда знает меру. Слегка разочарованных в окончании лирического наслаждения, нас приглашают на фуршет.

Пока накрывается стол уже приготовленными яствами, мы поём у пианино до боли знакомые песни: протяжные и весёлые, энергичные и залихватские, нарушая девиз: «В библиотеке должно быть тихо». Отодвигаем стулья от стола и становимся плотной цепочкой вокруг него. Стреляет шампанское, салютует! Льются тосты один за другим, сливаясь в один монолог, и каждый пьёт

за ту его часть, которая больше по нраву.

Меня задевает одно высказывание: «Среди нас есть и читатели». Моментажно реагирую на него, подтвердив, что рядом с таким поэтом — мы все читатели. В воздухе нависло угрюмое молчание. Эту неловкость смягчило высказывание виновника торжества, что мы все пишем для читателя. Неприятная догадка, чуть не лишила меня чувств: многозначительное молчание показало, что все считают себя гениями, создателями шедевров, а я, инициатор этой поездки и распространитель книг, обожествляющая чужие творения, — читатель, попавший не на свой праздник. Видимо, чтобы тебя признали достойным, надо...

Страшно подумать... Я точно знаю, что мне туда ещё рано.

Редакция газеты «Кубанский писатель» сердечно поздравляет Людмилу Ивановну Нацевич, лауреата литературных конкурсов, фестивалей «Величай, душе Моя», «Мы есть у тебя, Россия», автора рассказов и поэтических сборников, с юбилеем!

Встала в 6 часов. Быстро оделась, приняла лекарство, перекрестившись у порога, вышла, предварительно вызвав такси. На автостанции меня уже ждала знакомая из нашей инициативной группы любителей литературы — такая же одержимая. Группа наша небольшая: самых активных пять человек и ещё пять-шесть человек, желающих к нам примкнуть, но им не позволяли те или иные житейские неурядицы. А мы готовы были ехать к «чёрту на кулички», несмотря на возраст, болезни, скудность семейного

Валерий Клебанов

«Просто веровать и любить»

(о стихах Анны Вартаньян)

Красиво жить не запретишь, как и не запретишь писать в рифму всем, в чьих генах сидит это (по выражению Гёте) «демоническое начало». А тем паче в наш век цензуры и самиздатского беспредела, когда смог графомании буквально заволоч литературную атмосферу.

Для всякой души, чуткой к истинно поэтическому слову, становится настоящим праздником неожиданное обнаружение проблемсов щемящего, пронзительного лиризма.

*Души смотрят глазами оленьими:
«Не ударь, не сожги. Прикоснись.
Не выносим тоски и забвения.
Нам для света поведана жизнь».*

*Сбереги нас мелодией, строфами.
И себя сбережешь для Земли.
И художник ладонями кроткими
Души взял, чтобы выжить смогли...*

Автор этих строк — Анна Евгеньевна Вартаньян из Гулькевичей, талантливо сочиняющая лирические стихи, многие из которых становятся её авторскими песнями.

Она уже много лет является членом городского литобъединения «Ладомир», руководимого видным кубанским поэтом Ниной Хрущ, а с октября 2009 года принята в члены литактива краевой писательской организации.

Моральную и творческую поддержку Анне Вартаньян оказывают такие профессионалы, как Алексей Горобец, Любовь Сирота и Светлана Макарова.

Недавно, по моей просьбе, Анна прислала мне сборничек своих рубаи, за которые ей, думаю, не пришлось бы краснеть даже перед самим Омаром Хайямом:

*Пчела-подруга собирает мёд.
И где силёнки для того берёт?
Не грех такой работе поучиться...
Её — нектар, меня же — стих зовёт.*

И поэт по-пчелиному продолжает своё нелёгкое, но такое солнечное дело, для которого он и был призван в этот неласковый мир, чтобы хоть чуточку согреть его «мелодиями звёзд»:

*По-другому уже не быть,
И стихи — не высокий слог.
Просто веровать и любить
Нам с тобой Иисус помог.*

Анна Евгеньевна прислала мне и неопубликованные стихотворения, некоторые из которых, на мой взгляд, должны какое-то время «отлежаться», чтобы новая волна вдохновения помогла поэту довести их до нужной «кондиции»:

*Я слабость не хочу, не хочу уходить;
Небеса мне на то не давали завета.
Значит, снова стихи и мелодии вить —
Вздых и доля поэта...*

Если эта моя небольшая статья придаст Анне Вартаньян новых жизненных и творческих сил, я буду счастлив.

Анна Вартаньян
(ИЗ НОВЫХ СТИХОВ)

Отрада

Когда одинока душа,
Забудить может совесть и правду.
Что правда, когда от печали
Не видно ни солнца, ни звёзд!

Когда одинока душа,
Ей хлеба и соли не надо,
Хотя бы травиночку счастья
Ей милый в ладонях принёс.

Душа улыбнётся любви
И счастье в ответ приглубит,
Услышит и совесть, и правду,
И верно за ними пойдёт.

Душа улыбнётся любви,
Забудит души разбудит
И станет для неба отрадой,
К себе продолжая полёт...

Ливень

Проливайся, ливень, в жаркие ладони.
Я напысь тобою, капли не отдам.
Проливайся, ливень! Горькое не помни.
Помни только счастье, то, что даришь сам.

Наше семицветье — не мираж, не эхо.
Травы мягко вторят радости земной.
Обнимая, солнце дарит искры смеха —
Золотинки счастья...

Ливень, ты — со мной!

Ромашки

Прилетела к тебе. Осталась
Белой книгой в ладонях дней.
И огня заплескалась алость.
Только мы не сгорели в ней.

А взлетели судьбой-строкою,
Подхватила Россия нас.
Я ни с кем не была такою.
Лишь с тобою, родной, сейчас.

И у Родины на ладонях —
В белодивье её любви —
Мы о боли своей не вспомним.
Мы ромашками проросли...

Грамота на бересте

Всё дороже ты мне — откровенье
нечаянных гроз.
Постигаю себя, не боясь ни желаний,
ни слова.

Ты меня на ладони от муки забвенья
унёс.

И в ответ открываюсь берёзовым
шёпотом снова.

Открываюсь тебе, словно грамота
на бересте.

Открываешь меня — осторожно,
внимательно, жарко,

Оставляя судьбу на застенчиво-
хрупком листе...

Я уже не ждала от Земли вот такого
подарка.

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель — КРО СП России.

Издатель: ИП «Кириллица»
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка

и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350065

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

www.sprosia.narod.ru

и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ № 5075
Подписано в печать
в 10.00, 20.09.2011 г.
Тираж: 1000 экземпляров
Цена свободная